Часть II Мобильность в контексте стратегии «мягкой силы»

УДК 322:327.8

DOI 10.17506/articles.mobility.2018.179189

Батищев Роман Юрьевич,

магистрант кафедры государственной,
муниципальной службы и менеджмента
Липецкого филиала РАНХиГС,
г. Липецк,
E-mail: romanbatishhev@rambler.ru

Иванов Андрей Геннадиевич,

доктор философских наук,
профессор кафедры государственной,
муниципальной службы и менеджмента
Липецкого филиала РАНХиГС,
г. Липецк,
E-mail: agivanov2@yandex.ru

Русская Православная Церковь как актор российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве

Статья посвящена рассмотрению Русской Православной Церкви в контексте реализации Россией своей стратегии «мягкой силы» на постсоветском пространстве. Обращается внимание на возможности гибкого использования идеологических и символических ресурсов Церкви как крупного негосударственного актора. Рассматривается концепция «Русского мира» как идейная основа и одна из стратегий внешнеполитической деятельности России на пространстве бывшего СССР. Выявлена взаимосвязь и общая направленность действий государства и Церкви по поддержанию общности «Русского мира». В контексте нынешнего церковного раскола на Украине сделан вывод о признании за рубежом Русской Православной Церкви как влиятельного актора российской «мягкой силы».

Ключевые слова:

Русская Православная Церковь, «мягкая сила», геополитика, постсоветское пространство, внешняя политика России, украинский кризис, русский мир.

Как известно, сегодня реализация тех или иных стратегий использования «мягкой силы» во многом опирается на участие негосударственных акторов. Важными инструментами реализации этих стратегий являются гуманитарное сотрудничество и взаимодействие с зарубежными диаспорами, дающие широкий простор для деятельности различных негосударственных акторов, в том числе религиозных учреждений.

Кроме того, как известно, «мягкая сила» часто выступает инструментом транзита прежде всего определённых ценностных установок и опирается на более или менее сформулированные идеологические конструкции.

Ситуация последних десятилетий складывается таким образом, что у Российской Федерации как у государства отсутствует какая-либо внятная и разделяемая всеми общественными силами идеологическая доктрина. Различные стратегические планы, концепции, государственные программы, национальные и ведомственные проекты характеризуются компиляцией самых различных идеологических установок, не образуя цельного идейно-ценностного ядра. Помимо этого, система органов государственной власти Российской Федерации не располагает институциональными возможностями оформить и ретранслировать определённую идеологию как государственную.

«Идеологическая» направленность работы тех или иных государственных структур носит условный, неформальный, а часто отрицаемый ими же самими характер. К тому же транслируемые идейные постулаты не имеют однозначной поддержки даже среди российской политической элиты. То же самое относится и к деятельности отдельных «идеологов».

В этой связи усиливается идеологическое значение и потенциал как актора «мягкой силы» Русской Православной Церкви. В отличие от государства, Русская Православная Церковь располагает значительными символическими и идеологическими инструментами, кроме того, можно говорить и о существовании её определённой политико-идеологической доктрины [Жданова, 2011, с. 33].

Формирование политико-идеологической доктрины по отношению к странам ближнего зарубежья стоит отнести ко времени появления самого понятия «ближнее зарубежье» или «постсоветское пространство». В 1990-е годы Русская Православная Церковь ввела понятие «канонической территории», выходявшей за пределы Российской Федерации. Падение идеологических барьеров после распада СССР побудило руководство Церкви выработать систему работы с паствой, оказавшейся за рубежом, значительную долю которой составляло русское православное население как стран Запада (потомки эмигрантов), так и «ближнего зарубежья». В политической сфере тезис о русских как «разделённом народе» наряду с православной религиозной тематикой гармонично вошёл в качестве распространённого штампа в идеологию право-консервативных сил, к основным представителям которых в 2000-е годы можно отнести А.А. Проханова, Л.Г. Ивашова, А.Г. Дугина, Н.А. Нарочницкую, К.Ф. Затулина. Эти же тезисы в более радикальной форме использовались представителями некоторых ультраправых националистических группировок: национал-большевики Э.В. Лимонова, «осколки» «Русского национального единства» А.П. Баркашова, сюда же стоит отнести православных радикалов наподобие «Союза православных хоругвеносцев», имевших определённую поддержку и среди православного духовенства. Важно, что так называемый «русский вопрос» (проблема бедственного социально-экономического, демографического и политического положения русского народа внутри России и за её пределами) увязывался, среди прочего, с общностью веры русских людей и взывал к некоей солидарности православных. В это же проблемное поле вплеталось новое понимание жертвенности и мессианства: гонимый народ-богоносец должен воспринять и осуществить свою миссию – в политическом ключе это значило вернуть свой державный, имперский статус. Наиболее развёрнуто эти мысли изложены в концепции «пятой империи» А.А. Проханова, пронизанной религиозными православными мотивами [Проханов, 2007].

Уже в 2000-е годы на проблему русских и русскоговорящих жителей постсоветского пространства обратило повышенное внимание и государство [Страны СНГ ... , 2007]. Знаковым событием стало принятие в 2006 году Президентом России «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию сооте-

чественников, проживающих за рубежом». В 2007 году по указу Президента РФ Министерство иностранных дел и Министерство образования и науки учредили Фонд «Русский мир», целью деятельности которого стали популяризация русского языка и русской культуры за рубежом, что уже можно считать новым этапом реализации стратегии «мягкой силы» России на постсоветском пространстве. Однако наиболее ярко усилия российских властей по воссоединению разделённого русского народа были продемонстрированы и в идеологическом ключе в 2014 году, с началом «Русской весны» в Крыму и на Юго-Востоке Украины.

В 2014–2015 годах можно было наблюдать совпадение внешнеполитических доктрин Российской Федерации и Русской Православной Церкви в части интеграции на постсоветском пространстве. Концептуальным основанием внешней политики и Церкви, и государства в этом направлении являлась идея *Русского мира* [Зевелёв, 2014] – международного сообщества людей, объединённых своей причастностью к России, к её исторической судьбе, к русскому языку и к русской культуре [Щедровицкий, 2006]. Фундаментальным элементом этого особого рода идентичности во многом является именно культурно-религиозная принадлежность к православию [Слово на обновление ...]. «Русский мир» как культурно-языковую общность, выходящую за рамки русского этноса и России как государства, упоминали в своих выступлениях В.В. Путин в ходе «прямой линии» в апреле 2014 года [Путин ... , 2014] и С.В. Лавров, в конце 2015 года назвавший «всемирную поддержку Русского мира» «безусловным внешнеполитическим приоритетом России» [Лавров, 2015].

Необходимо отметить, что формирование Русского мира как транснациональной идентичности людей произошло в XX веке в 2 этапа. Так называемый «старый» Русский мир оформился после Октябрьской революции и массовой эмиграции из Советской России, когда большое число соотечественников покинуло пределы страны, не сумев ужиться с новым общественно-политическим строем, но сохранив духовную связь с Россией и продолжив особую линию развития русской культуры и русского православия в частности (Русская Православная Церковь за рубежом, до начала 2000-х годов именовавшаяся в документах Московского патриархата как «карловский раскол»). «Новый» Русский мир – следствие распада СССР и попытка сохранить идентичность народа, разделён-

ного новыми государственными границами, в условиях, когда сами границы Родины ушли от части своих граждан [Тишков, 2007].

В этой связи необходимо отметить, что в 1990-е годы именно Русская Православная Церковь начала прилагать значительные усилия по консолидации Русского мира (как «старого», так и «нового»). В 2000-е годы, а в особенности после интронизации Патриарха Кирилла, Церковь стала одним из главных проводников этой концепции и, как следствие, важным актором российской внешней политики [Касаткин, 2010, с. 141] в условиях начавшегося в 2014 году геополитического обострения. С фигурой Патриарха Кирилла, как известно, связывают общую активизацию политико-идеологической работы Русской Православной Церкви. Кирилл, до восшествия на патриарший престол возглавлявший Отдел внешних церковных связей, в нынешней должности уделяет большое внимание «внешнеполитической» работе Церкви. Активно освещаются его встречи с дружественными лидерами на постсоветском пространстве: И.Н. Додоном, А.Г. Лукашенко, Н.А. Назарбаевым.

Однако подобное совпадение внешнеполитических действий Церкви и государства можно было наблюдать не только в 2014 году. В контексте консолидации Русского мира как инструмента российской «мягкой силы» важной датой можно считать 2007 год, когда был подписан «Акт о каноническом общении» между Московским Патриархатом и Русской Православной Церковью за рубежом. 2007 год стал поворотным моментом не только в новейшей истории Церкви, но и во внешней политике Российской Федерации в связи со знаменитой «мюнхенской речью» Владимира Путина. Как видим, совпала общая направленность действий государства и негосударственного актора в лице Церкви: Россия полноценно вышла на внешнеполитическую арену как крупный глобальный игрок, располагающий различными ресурсами и силами, с одной стороны, готовый жёстко отстаивать свои национальные интересы (*hard power* как лейтмотив речи В.В. Путина), с другой стороны, готовый вести гуманитарное сотрудничество, дипломатию второго уровня (*soft power* в лице канонического общения православных церквей, лейтмотив «Русского мира»).

На сегодняшний день из идейного обоснования геополитических действий России концепция «Русского мира» постепенно исчезает. Это связано с конкретными изменениями

геополитической обстановки, речь прежде всего идёт о Минском процессе на Юго-Востоке Украины, принципов которого в данный момент придерживается Россия и который явно идёт в разрез с романтизмом «Русской весны» 2014 года. Подобные изменения во внешней политике России на постсоветском пространстве ещё раз иллюстрируют дилемму последних десятилетий, перед которой стоит и нынешнее российское руководство: поддерживать русских соотечественников, жертвуя возможностью сотрудничества с властями стран «ближнего зарубежья», или пытаться искать точки соприкосновения и компромиссы с легальными режимами бывших советских республик, закрывая глаза на притеснения русского населения, а иногда и откровенные попытки выстроить авторитарную этнократию (ярчайшим примером чего являются некоторые среднеазиатские республики). Как это случалось уже неоднократно, перевес получает вторая, прагматичная линия. Поэтому на сегодняшний день можно констатировать постепенную потерю актуальности для государства идеи «Русского мира», угасание её мобилизационного и символического потенциала.

Однако перед описанной выше дилеммой в меньшей степени стоит Русская Православная Церковь. Несмотря на попытки выстроить взаимоотношения с политическим руководством постсоветских государств, Церковь менее стеснена сложными политическими обстоятельствами. К тому же, та же идея «Русского мира» имеет явно выраженный восточно-славянский, православный вектор и направлена прежде всего на православное население Украины, Белоруссии и Молдовы, составляющее большинство в этих странах, в отличие от исламских стран Средней Азии. Поэтому националистически ориентированные круги этих стран долгие годы пытались сопротивляться влиянию России, в том числе и путём противодействия влиянию РПЦ на православное население своих стран.

Ярчайшим примером таких действий является деятельность Украинской православной церкви Киевского патриархата во главе с раскольным патриархом Филаретом (Денисенко). Пик противостояния церквей на Украине пришёлся на 2018 год, и по состоянию на октябрь 2018 года конфликт не завершился. Однако противостояние Филарета и Московского Патриархата началось ещё в начале 1990-х годов: в 1992 году Денисенко за свою раскольническую деятельность был извергнут из сана, а в 1997 году предан анафеме. И все эти годы непризнанный

Киевский патриархат и ещё ряд местных непризнанных церквей находили поддержку среди украинских политических элит, строивших стратегию своих политических действий на противодействии российскому влиянию.

Более того, при постепенном уходе концепции «Русского мира» из медийной среды в России, «русский мир» на Украине продолжает пребывать в числе мишеней для наиболее жёсткой критики официальных киевских властей. Борьба Киевского патриархата за автокефалию преподносится и как борьба с «русским миром». Помимо этого, официальные представители Русской Православной Церкви недвусмысленно заявляют, что поддержку действиям Константинопольского Патриархата, фактически вставшего на сторону раскольников, оказывают западные державы, прежде всего – США. В подтверждение этому приводятся давние исторические связи константинопольских иерархов с западными державами (Великобританией и США) [Яковлева, 2018]. Тем самым, РПЦ в лице внешнеполитических оппонентов России воспринимается как угроза наравне с государством. Нынешний церковный раскол на Украине демонстрирует общую линию официального Киева и его иностранных партнёров по противостоянию России, что ещё раз подчёркивает важность Русской Православной Церкви как негосударственного актора российской «мягкой силы».

Таким образом, одна из ключевых стратегий российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве по-прежнему во многом опирается на имиджевые и символические ресурсы Русской Православной Церкви, а концептуальной основой служит во многом религиозная по содержанию идея «Русского мира».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

В РПЦ рассказали о влиянии США на Константинопольский патриархат [Электронный ресурс], 2018 // РИА Новости. 10 сент. URL: <https://ria.ru/religion/20180910/1528214723.html> (дата обращения: 10.10.2018).

Жданова Т.Ю. 2011. Русская Православная Церковь и идеологическое проектирование в современной России: предпосылки, реализация, перспективы // Общество: политика, экономика, право. № 4. С. 33–37.

Зевелёв И.А. 2014. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новая внешнеполитическая

доктрина России [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. № 2. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Granitsy-russkogo-mira--16582> (дата обращения: 18.12.2017).

Касаткин П.И. 2010. Русская православная церковь как актор современной мировой политики // Вестн. МГИМО-Университета. № 6 (15). С. 141–151.

Лавров С.В. 2015. Русский мир на пути консолидации [Электронный ресурс] // Рос. газ. 02 февр. URL: <https://rg.ru/2015/11/02/lavrov.html> (дата обращения: 12.10.2018).

Проханов А.А. 2007. Симфония «Пятой Империи». М.: Яуза; Эксмо. 59 с.

Путин: Русский народ шире душой, чем представители других народов [Электронный ресурс], 2014 // РИА Новости. 17 апр. URL: <https://ria.ru/politics/20140417/1004339422.html> (дата обращения: 13.10.2018).

Слово на обновление десятинной церкви [Электронный ресурс] / предисл. и подгот. текста С.В. Перевезенцев; пер. с древнерус. яз. Ю.А. Бегунова // «Слово»: образоват. портал. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35613.php> (дата обращения: 02.02.2018).

Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье, 2007. М.: Ин-т стран СНГ, ин-т диаспоры и интеграции. 210 с. (Информ. – аналит. бюлл.; № 169).

Тишков В.А. 2007. Русский мир: смыслы и стратегии [Электронный ресурс] // Московский дом национальностей: официал. сайт ГБУ. URL: http://mdn2011.web.belti.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/va_tishkov3.html (дата обращения: 13.02.2018).

Щедровицкий П.Г. 2006. Русский Мир и Транснациональное русское [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии: аналит. портал. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2508> (дата обращения: 08.02.2018).

Яковлева Е.С. 2018. Как низко пал второй Рим [Электронный ресурс] // Рос. газ. 13 сент. URL: <https://rg.ru/2018/09/13/kak-konstantinopol-podderzhival-raskolnikov-i-poluchal-patriarhov-iz-ssha.html> (дата обращения: 12.10.2018).

References

Kasatkin P.I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' kak aktor sovremennoy mirovoy politiki [Russian Orthodox Church as an actor

of modern global politics], Vestnik MGIMO-Universiteta, 2010, no. 6 (15), pp. 141–151. (in Russ.).

Lavrov S.V. Russkiy mir na puti konsolidatsii [The Russian world is on the road to consolidation], Rossiyskaya gazeta, 2015, Febr. 02, available at: <https://rg.ru/2015/11/02/lavrov.html> (accessed October 12, 2018). (in Russ.).

Prokhanov A.A. Simfoniya «Pyatoy Imperii» [“The Fifth Empire’s” symphony], Moscow, Yauza, Eksmo, 2007, 59 p. (in Russ.).

Putin: Russkiy narod shire dushoy, chem predstaviteli drugikh narodov [Russian people have bigger heart than other peoples], RIA Novosti, 2014, Apr. 17, available at: <https://ria.ru/politics/20140417/1004339422.html> (data obrashcheniya: 13.10.2018).

Shchedrovitskiy P.G. Russkiy Mir i Transnatsional'noe russkoe, 2006 [The Russian World and the Transnational Russian], Gumanitarnye tekhnologii: analiticheskiy portal, available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2508> (accessed February 08, 2018). (in Russ.).

Slovo na obnovenie desyatinnoy tserkvi [Elektronnyy resurs]/ predisl. i podgot. teksta S.V. Perevezentsev; per. s drevnerus. yaz. Yu.A. Begunova) [The Lay of the renewal of the Church of the Tithes (Intr. and prepar. of the text S.V. Perevezentsev, trans. from Old East Slavic Y.A. Begunova)], «Slovo»: obrazovat. portal, available at <http://www.portal-slovo.ru/history/35613.php> (accessed February 02, 2018). (in Russ.).

Strany SNG. Russkie i russkoyazychnye v novom zarubezh'e [CIS countries. Russians and Russian-speakers in the new abroad: analytical newsletter], Moscow, In-t stran SNG, in-t diaspory i integratsii, 2007, 210 p., Informatsionno-analiticheskiy byulleten', № 169. (in Russ.).

Tishkov V.A. Russkiy mir: smysly i strategii, 2007 [The Russian world: meanings and strategies], Moskovskiy dom natsional'nostey: ofitsial. sayt GBU, available at: http://mdn2011.web.belti.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/va_tishkov3.html (accessed February 13, 2018). (in Russ.).

V RPTs rasskazali o vliyanii SShA na Konstantinopol'skiy patriarkhat [The ROC has told about the influence of the USA to the Ecumenical Patriarchate of Constantinople], RIA Novosti, 2018, Sept. 10, available at: <https://ria.ru/religion/20180910/1528214723.html> (accessed October 10, 2018). (in Russ.).

Yakovleva E. S. Kak nizko pal vtoroy Rim [How low the second Rome has fallen, Rossiyskaya gazeta, 2018, Sept. 13, available at: <https://rg.ru/2018/09/13/kak-konstantinopol-podderzhival-raskolnikov-i-poluchal-patriarhov-iz-ssha.html> (accessed October 12, 2018). (in Russ.).

Zevelev I. A. Granitsy russkogo mira. Transformatsiya natsional'noy identichnosti i novaya vneshnepoliticheskaya doktrina Rossii [The borders of the Russian world. The transformation of national identity and a new Russian foreign-policy doctrine], Rossiya v global'noy politike, 2014, no. 2, available at: <http://globalaffairs.ru/number/Granitsy-russkogo-mira--16582> (accessed December 18, 2017). (in Russ.).

Zhdanova T. Yu. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i ideologicheskoe proektirovanie v sovremennoy Rossii: predposylki, realizatsiya, perspektivy [Russian Orthodox Church and ideological projecting in modern Russia: preconditions, realization, prospects], Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo, 2011, no. 4, pp. 33–37. (in Russ.).

Roman Yu. Batishchev,

Graduate Student,

Department of Public Administration and Management,

Lipetsk Branch of RANEPa,

Lipetsk,

E-mail: romanbatishhev@rambler.ru

Andrey G. Ivanov,

PhD in Philosophy,

Professor of Public Administration and Management,

Lipetsk Branch of RANEPa,

Lipetsk,

E-mail: agivanov2@yandex.ru

Russian Orthodox Church as an Actor of Russian “Soft Power” in the Post-Soviet Space

Abstract

The article is devoted to the analysis of Russian Orthodox Church in the context of the realization of Russian soft power strategy in the post-Soviet space. With the absence of complete and coherent state's political ideology it is focused on the opportunities

of responsive application of Church's ideological and symbolical resources as a large non-state actor. It is stressed that Russian Orthodox Church de-facto has its own political and ideological doctrine and pays great attention to these issues. It is emphasized on the conception of "the Russian world" as an ideological basis and one of Russian foreign-policy strategies in the space of former USSR. It is described religious and messianic content of "the Russian world" conception and its significant geopolitical focus that are in the context of past decades Russian foreign policy's conditions. It is identified the correlation and a common vector of activities between Russian state and the Church for the support of the Russian world's community. Besides, there is a crucial difference in the measures and the ways of this idea's realization. Russian state officials follows the necessity of the communication with "near abroad" countries. The officials are obliged to revolve to more pragmatic foreign policy, giving up any ideological constructions. In contrast, Russian Orthodox Church is independent from these circumstances and actively uses soft power's flexible tools. In the context of an actual Ukrainian schism, it is concluded there is the recognition of Russian Orthodox Church's strong influence as an actor of Russian soft power abroad.

Keywords:

Russian Orthodox Church, soft power, geopolitics, post-Soviet space, Russian foreign policy, Ukrainian crisis, Russian world.